

Су Чэнь в ужасе вскрикнул и потянулся, чтобы схватить Цзиньбао, но его рука схватила лишь пустоту.

Он увидел, как вокруг маленького тела Цзиньбао внезапно возникла слабая золотистая аура.

Малыш раскинул свои короткие ручки и, не колеблясь ни секунды, встал прямо перед приближающимся щупальцем обиды!

Бах!

Щупальце с силой ударилось о тонкий слой золотистого света, издав глухой звук.

Золотой свет яростно задрожал, потускнев почти наполовину.

Маленькое личико Цзиньбао побледнело, и он издал приглушенный стон.

Его отбросило назад, прямо в руки подросшего Су Чэня.

Но это щупальце обиды, достаточно мощное, чтобы серьезно ранить Юнь Цина, было остановлено этим, казалось бы, слабым золотистым светом!

Кончик щупальца растворился, как снег, попавший под солнечные лучи, и, шипя, отпрянул в шоке и ярости.

Этот неожиданный поворот событий на мгновение ошеломил и Су Чэня, и Линь Юньян.

Юнь Цин обернулся, увидел, что Цзиньбао изо всех сил пытается ему улыбнуться, и в его глазах вспыхнула буря из шока, гнева и затаенного страха.

Но больше всего его переполняла всепоглощающая ярость.

— «Ты посмела тронуть моего сына?!»

Голос Юнь Цина внезапно стал ледяным.

Он перестал просто защищаться и укреплять позиции. Его левая рука нырнула в тканевую сумку.

Он схватил горсть темно-красного порошка гематита, смешанного с порошком из рога носорога, и яростно швырнул его в самую гущу злобного негодования у входа в колодец!

— «Иньская мгла и нечистый воздух, сгорите в огне земли!»

— «Подавить!»

Минеральный порошок воспламенился при контакте со злобой, превратившись в пятно темно-красного пламени.

Хотя они и не обжигали, в них чувствовалась мощная сила подавления и очищения, которая на какое-то время сдерживала бурлящую обиду на небольшой территории.

Воспользовавшись этим, Юнь Цин завершил создание последних талисманов.

Над устьем колодца материализовался призрачный образ золотого массива, более сложного,

чем изначальный «Массив, подавляющий зло в шести направлениях». Он медленно вращался, опускаясь вниз.

Расширение призрачной области наконец было принудительно остановлено.

И она начала очень медленно отступать обратно к колодцу со скоростью, незаметной для невооруженного глаза.

Над устьем колодца призрачная фигура издала пронзительный крик негодования.

Она бросила яростный «взгляд» на Юнь Цин и Цзиньбао.

Ее фигура постепенно растворилась в бурлящей обиде.

Очевидно, что в этом раунде противостояния Юнь Цин пока одерживает верх.

Юнь Цин перевел дыхание, вытер пот со лба, развернулся и быстро направился к Су Чэню.

Он взял Цзиньбао из рук Су Чэня и внимательно осмотрел его.

Он обнаружил, что малыш просто ослаб из-за истощения духовной энергии и в остальном цел, и только тогда вздохнул с облегчением.

Су Чэнь внезапно поднял глаза на отца и сына. В его сердце поднялась волна необъяснимого гнева.

Его тон был суровым, с нотками затаенного страха:

— «Ты, молокосос, хоть представляешь, насколько это было опасно?!»

— «А ты, как ты можешь быть таким отцом?»

— «Ты бросаешь его в колодец и еще хочешь, чтобы он дрался?!»

Как только эти слова слетели с его губ, он тут же пожалел о них, увидев слегка ошеломленное выражение лица Юнь Цина и вялого Цзиньбао у себя на руках.

По какому праву и в каком тоне он злился? Спрашивал их вот так?

Сердце Су Чэня екнуло, и он мысленно проклял себя за глупость.

Он не из тех, кто лезет в чужие дела. Он понятия не имел, откуда взялся этот приступ гнева.

Теперь, когда он успокоился, он чувствовал только, как горит его лицо.

Он даже не осмеливался смотреть Юнь Цину в глаза.

Он просто чувствовал, что его праведный и суровый вид, который был у него несколько минут назад, делал его похожим на... на отца Цзиньбао!

Проблема была в том, что это было не так.

От этих мыслей даже кончики ушей Су Чэня слегка покраснели.

Его взгляд метался по сторонам, словно он хотел найти дыру, в которую можно было бы

заползти.

Юнь Цин уставилась на него, а затем вдруг внезапно усмехнулась.

Он придвинулся ближе и понизил голос: «Бог богатства, не смущайся!»

— «Только что этот поступок был присущ главной жене!»

— «Мой сын защищал меня и тебя».

— «Ты... действительно ему нравишься. А как насчет тебя... Может, подумаешь о том, чтобы принять нас обоих?»

Они стояли очень близко друг к другу, их дыхание смешивалось.

Су Чэнь отчетливо уловил насмешливый блеск в глазах Юнь Цина, а также намек на... едва скрытую серьезность.

Его рука, сжимавшая маленькую ручку Цзиньбао, слегка напряглась.

Все слова, которые он хотел сказать в ответ, застряли у него в горле.

Он отвернулся, кончики его ушей слегка горели.

Только что... он, кажется, слишком остро отреагировал.

В этот момент место на его ладони, где находился кровавый талисман, снова слегка нагрелось.

Тепло от кровавого талисмана становилось все сильнее, и Су Чэнь внезапно сжал кулак.

Что-то было не так.

Его реакция была очень странной.

Цзиньбао, которого он держал на руках, уже пришел в себя. Его маленькая рука нежно потянула Су Чэня за одежду, и он слабым голосом произнес:

— «Папочка, пожалуйста, не ругай папу...»

С жалобным, умоляющим выражением лица: «Не мог бы ты... подумать о нас...»

— «Мы с папой оба очень хорошие! И нас легко содержать!»

Су Чэнь на мгновение потерял дар речи.

Воистину отец и сын.

У них был совершенно одинаковый характер!

Оба такие бесстыжие!

Кроме того, сейчас в такое время, чтобы говорить о подобных вещах?

Но выражение его лица все же смягчилось.

Су Чэнь нежно погладил Цзиньбао по голове, ничего не говоря.

Юнь Цин перестала его дразнить.

Он отвел взгляд и снова посмотрел на все еще беспокойный пересохший колодец, и выражение его лица становилось все более мрачным.

Су Чэнь беспокоился за своего друга. Увидев, что непосредственная проблема временно решена, все четверо быстро вернулись в гостевую комнату.

Как только они вошли, Линь Муян, лежавший в комнате без сознания, внезапно открыл глаза.

Он сел.

На его лице застыла странная улыбка, такая же, как у радостного скорбящего призрака. Он тихо произнес:

— «Она попросила меня передать сообщение... Теперь твоя очередь».

Его палец указал прямо на Су Чэна.

Произнеся эти зловещие слова, Линь Муян закрыл глаза и обмяк.

Но эта жуткая улыбка еще долго не сходила с его лица, вызывая мурашки по коже.

Лицо Су Чэня побледнело, а кончики пальцев стали ледяными.

Кого угодно напугает, если столетний мстительный дух выберет его «следующим».

Юнь Цин нахмурился.

Нацелилась ли Линь Юньян на Су Чэня из-за его связи с семьей Линь, или из-за чего-то, связанного с самим Су Чэнем...возможно, из-за того, что он был ему ближе всех?

Он взглянул на Су Чэня.

Возможно, это было связано с тем, что Су Чэнь чем-то напоминал того человека из прошлого, и это вызвало ненависть Линь Юньян.

— «Н-ну... и что нам теперь делать?»

Гуань Янь заставил себя сохранять спокойствие, но его голос был напряжённым.

Его молодой господин не пострадает же, верно?!!

— «Узнай правду о ее смерти». Взгляд Юнь Цин стал пронзительным.

Она скрыла ключевые детали во время эмпатии на дне колодца, а значит, в этом и была истинная причина ее обиды.

— «Нам нужно проверить — старые документы в администрации округа».

— «Сейчас? Посреди ночи?»

Гуань Янь посмотрел на резиденцию семьи Линь снаружи, все еще окутанную зловещей

атмосферой, и подумал, что это предложение звучит немного безумно.

— «Чем раньше, тем лучше».

— «Я временно подавил призрачную область, но это ненадолго».

Юнь Цин посмотрел на Су Чэня: «Бог богатства, твоя семья Су должна иметь какое-то влияние, верно?»

— «Можешь провести нас в окружной архив сегодня вечером?»

Уголок рта Су Чэня дернулся. Этот шарлатан, конечно, не стеснялся командовать людьми.

Но он также понимал, насколько серьезна ситуация. После короткой паузы, чтобы все обдумать, он кивнул.

— «Я постараюсь».

Час спустя.

Опираясь на визитку семьи Су и тяжелые серебряные банкноты, Юнь Цин и его спутники подошли к двери очень отдаленного старого архивного помещения на заднем дворе уездной администрации.

Дежурный старый архивариус клевал носом. Он взял деньги и пробормотал: «Поторопитесь, поторопитесь».

Он бросил им тусклый фонарь и отошел в свой угол, чтобы вздремнуть.

Внутри хранилища ряд за рядом стояли высокие деревянные полки, почти доходившие до стропил, на которых громоздились пыльные картонные коробки.

Воздух был затхлым, густым от паутины, тишину нарушало только их дыхание и шорох крыс.

Тусклый свет лампы освещал лишь небольшую часть помещения.

В крошечной тьме скрывались и другие места, словно храня бесчисленные древние истории.

— «Сто лет назад... семья Линь, чиновник по фамилии Линь, выдавал свою дочь замуж...»

Юнь Цин пробормотал что-то себе под нос, быстро прикинул, сколько прошло времени, и начал поиск.

Тут же пыль поднялась в воздух, вызвав у них удушье и кашель.

Су Чэнь никогда раньше такого не делал, но он закатал рукава и, подражая Юнь Цину, начал тщательно просматривать раздел за указанный год.

Гуань Янь держал лампу рядом, а Цзиньбао послушно прижимался к спине Су Чэня, его большие глаза ярко блестели в полумраке:

— «Папочка, третья полка слева, вторая коробка сверху, на ней иероглиф „𠂇“ («Линь»)».

Удивленный, Су Чэнь посмотрел в указанном направлении и действительно увидел иероглиф в

неприметном углу.

После некоторых усилий они наконец нашли на дне коробки несколько пожелтевших и хрупких листов бумаги, почти изъеденных червями.

Один из них был черновиком брачного контракта.

Другой — краткой «справкой о происшествии» из окружного управления за тот год.

Но самым важным документом было «признание», написанное аккуратным, но торопливым почерком.

Это было написано с точки зрения «Линь Юньян», которая утверждала, что «войдя в дом мужа, я не смогла оправдать ожиданий мужа и его семьи, стыдясь семьи мужа, я не могла жить с этим позором и поэтому бросилась в колодец».

Выше, от лица «Линь Юньян», приводится её собственное признание: «Я не смогла оправдать ожиданий мужа и его семьи, стыдно мне жить дальше, поэтому я бросилась в колодец».

— «Самоубийство?» — Су Чэнь нахмурился. — «Это...»

— «Поистине бесстыдно».

Юнь Цин провел кончиком пальца по бумаге с признанием, ощутив едва уловимые остаточные колебания обиды.

Он взял черновик брачного контракта и посмотрел на имена.

— ««Линь Юньян»... Значит, это ее настоящее имя».

У обеих семей была фамилия Линь?

В этот момент старый архивариус, дремавший в углу, проснулся.

Он тихо вздохнул: «Это дело... Я слышал, как мой дедушка однажды упоминал о нем, когда я был маленьким».

— «Это несправедливое дело, но никто не осмеливается его пересмотреть».

После паузы он добавил еще одну фразу: «Та юная леди из семьи Линь, ее смерть была несправедливой».

Сказав это, старик снова закрыл глаза, словно говорил во сне.

В сердце Юнь Цин забрезжило понимание.

Линь Юньян была убита семьей своего мужа, а затем ее репутация была запятнана посмертно.

Неудивительно, что ее обида была так глубока; даже ее доброе имя после смерти было опорочено.

Вернувшись в резиденцию Линь, Юнь Цин приготовился снова использовать технику эмпатии.

На этот раз с ее настоящим именем и поддельным признанием в качестве посредника.

Возможно, ему удастся пробить ментальную защиту Линь Юньян и увидеть правду, которую она намеренно скрывала.

— «Я вот-вот начну», — сказал Юнь Цин Су Чэню.

Затем его взгляд на мгновение задержался на лице Су Чэня, и он сказал: «Эм... можно у тебя кое-что одолжить?»

— «Что?» — настороженно спросил Су Чэнь.

— «Немного энергии Ян, чтобы стабилизировать разум».

Юнь Цин сказал это как нечто само собой разумеющееся и, не дожидаясь отказа Су Чэня, схватил его за запястье.

На этот раз он не укусил свой палец, а просто прижал их ладони друг к другу.

Су Чэнь ощущал лишь теплый, но непреодолимый поток энергии, исходящий из ладони Юнь Цина и циркулирующий по его меридианам.

Это было не неприятно, а, наоборот, странным образом успокаивало.

Его лицо слегка потеплело. Он попытался отдернуть руку, но Юнь Цин крепко ее держал.

— «Не двигайся. Это быстро».

Юнь Цин закрыл глаза, крепко сжимая в другой руке поддельное признание и нефритовую шпильку.

Цзиньбао послушно сидел в стороне, подперев подбородок руками, и наблюдал. Он прошептал Гуань Янь: «Гуань Янь, отец и папа держатся за руки».

— «Они будут вместе?»

Гуань Янь: «...»

Молодой господин, сейчас не самое подходящее время для этого!

Он быстро закрыл глаза Цзиньбао: «Это не для детей, не смотри, это только для взрослых!»

Цзиньбао моргнул своими круглыми глазками и послушно кивнул: «О».

Отец, продолжай в том же духе!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/18124/2007827>